



ПАЦИЕНТ  
X

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

EDEN KATINE

18+

Eden Kaine

**Пациент X**

«Автор»

2026

## **Kaine E.**

Пациент X / E. Kaine — «Автор», 2026

Молодая психиатр получает доступ к засекреченному пациенту, обвиняемому в массовом убийстве, но чем глубже она погружается в его сознание, тем сильнее начинает сомневаться — кто из них на самом деле сумасшедший.

© Kaine E., 2026

© Автор, 2026

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава                             | 5  |
| Предупреждение                    | 6  |
| Пролог                            | 7  |
| Глава 1                           | 8  |
| Глава 2                           | 11 |
| Глава 3                           | 14 |
| Глава 4                           | 17 |
| Глава 5                           | 20 |
| Глава 6                           | 24 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 27 |

# **Eden Kaine**

## **Пациент X**

### **Глава**

## Предупреждение

Данная книга предназначена **ТОЛЬКО ДЛЯ ЛИЦ СТАРШЕ 18 ЛЕТ** из-за обилия сцен, которые могут вызвать серьёзный психологический дискомфорт.

**Книга содержит:**

**Сексуальное насилие и принуждение** — сцены секса без явно выраженного согласия, с элементами доминирования и удержания силой.

**Жестокие убийства и расчленение**

**Пытки и медицинские эксперименты над людьми** (включая эксперименты над детьми).

**Нацистская тематика** (показаны исключительно как антураж для вымышленного сюжета, не пропагандируются).

**Кровосмешение в широком смысле** — токсичные отношения «врач-пациент» с грубым нарушением профессиональных границ.

**Самоповреждение (self-harm)** .

**Психологическое насилие, манипуляция, газлайтинг.**

**Запись сексуальных действий без согласия.**

**Категорически не рекомендуется:**

– лицам с ПТСР, связанным с сексуальным насилием;

– лицам с триггерами на медицинские процедуры/уколы/кровь;

– несовершеннолетним.

**Автор не оправдывает и не романтизирует насилие, абьюз, нарушения медицинской этики или нацизм.** Изображённые отношения — художественный вымысел, иллюстрирующий механизмы травматической привязанности и созависимости.

*Если вы или ваши близкие сталкиваетесь с домашним насилием, сексуальными домогательствами, психическими расстройствами — обратитесь к специалистам.*

## Пролог

*«Скажите мне, кто из ваших знакомых не слышит голосов? Я подожду. Разница лишь в том, что их голоса шепчут: "купи хлеб", "опоздаешь на работу", "ты хороший человек". Мои пациенты слышат правду. За это мы их и убиваем. То, что вы называете "нормальностью", — всего лишь коллективный заговор, чтобы не смотреть в глаза бездны. Безумец — не тот, кто упал в нее. Безумец — тот, кто вспомнил, что бездна существует».*

— Из неопубликованных записей доктора Эрнста Рюдина, 1942.

## Глава 1

Я люблю ночные смены. В них есть своя честность. Днём клиника доктора Кейта гудит, как развороченный улей: голоса, шаги, хлопки дверей. А ночью остаётся только тишина. Сегодня я задержалась допоздна. Ничего экстренного — просто разбирала старые истории болезни. Но, если честно, я искала повод остаться. Здесь, в тишине, я чувствую себя как дома. Огромный аквариум с краснобрюхими пираньями тихо светится в углу кабинета, и я вижу, как они медленно кружат за стеклом. Коллеги шутят, что пираньи в кабинете психиатра — это метафора с градусом чёрного юмора. Но я не спорю. Каждая из них — напоминание: внешняя красота часто скрывает острые зубы.

Мой путь к этой клинике, к доктору Джонатану Кейту, был долгим, но достаточно прямым. Мои родители — Алекс Миллер, нейрохирург и Вирджиния Миллер, акушер-гинеколог — пророчили мне блестящее будущее в медицине. Но они ошибались в одном: я никогда не хотела просто лечить. Я *жаждала* — понимать. С подросткового возраста меня завораживали механизмы, управляющие человеком. Почему один ждёт, а другой верит в эту ложь? Почему одни поступки мы называем нормой, а другие — безумием? Я копалась в головах друзей и знакомых, и мне это было чертовски интересно. В семнадцать лет я зачитывалась учебниками по когнитивной психологии, а в восемнадцать лет поступила в Медицинскую школу Стэнфордского университета. Я знала: чтобы изучать самые тёмные уголки человеческого разума, нужно иметь право туда заглядывать. Диплом с отличием, четырёхлетняя ординатура, звание лучшей ученицы на потоке — всё это была лишь легализация моего любопытства. Четыре года интернатуры, и я получила сертификат и работу в клинике доктора Кейта.

Моя правда в том, что меня никогда не привлекала романтика безумия, которую так любят раздувать в кино. Мне плевать на эстетику страданий. Мне интересен слом, грань, за которой «нормальный» мозг начинает видеть то, чего быть не может. Или то, что недоступно другим? Возьмём, к примеру всеми известную шизофрению, не как диагноз, а как феномен. Достаточно открыть любой свежий журнал по нейробиологии: механизм корреляционной разрядки у здорового человека работает как шумоподаватель. Это как наушники с активным шумом. Например, когда ты говоришь сам с собой, твой мозг посылает сигнал: «Не пугайся, это свои». Он подавляет реакцию на собственный внутренний голос, потому что заранее знает, чего ожидать. Благодаря этому механизму мы отличаем реальность от своего внутреннего шума. У шизофреника эта защита ломается. Двигательные и слуховые центры перестают синхронизироваться. Корреляционная разрядка даёт сбой. Мозг перестаёт узнавать собственные мысли и начинает воспринимать их как чужие голоса. Именно это наука называет слуховыми галлюцинациями.

Но что, если это не просто «поломка»?

Я всю жизнь считала (и да, я знаю, что это ненаучно), что мозг человека — это тюрьма. «Норма» — это набор фильтров, которые защищают нас от реальности, к которой мы не готовы. А у «психов» эти фильтры даёт сбой. Они слышат то, что мы научились не замечать. Они видят мир без купюр, без приглушения цвета и звука. Возможно, их безумие — это просто плата за способность видеть слишком много. Возможно, блокировка этого механизма — не бег, а фишка эволюции, оберегающая целостность личности. Мне это интересно до дрожи. Я не просто лечу. Я хочу понять, где заканчивается химия мозга и начинается что-то другое, то, для чего у нас пока нет терминов. Поэтому я здесь. В этой клинике. В этой ночной тишине.

Клиника доктора Кейта гремит на всю Калифорнию — частное заведение со своим методом и уникальным подходом. Здесь собираются тяжёлые случаи, которые выплёвывают государственные больницы. И это идеальное место для меня. Я не знаю, что принесёт завтрашний



день, какого пациента усадит в кресло напротив. Но я слишком любопытна, чтобы бояться. Если честно, я давно поняла: понятие «нормальности» в этом мире относительное...

Мой кабинет небольшой, слева — рабочий стол из тёмного дуба, заваленный рабочими папками. Каждая подписана, каждая лежит строго на своём месте. За моей спиной — стеллажи с медицинской литературой в кожаных переплётах. Прямо передо мной, на стене, висит несколько дипломов в строгих чёрных рамках: Медицинская школа Стэнфордского университета, резидентура по психиатрии, сертификат Американской психиатрической ассоциации.

Я подхожу к столику, заваленному папками, и бросаю взгляд на зеркало в углу кабинета. На секунду задерживаюсь на отражении. Длинные пепельные волосы рассыпаны по плечам. Светлые кудри падают на лицо, обрамляя большие бледно-голубые глаза. Фарфорово-бледная кожа с едва заметным румянцем на скулах — словно кто-то аккуратно прошёлся по ней тонкой кистью. Я не крашусь на работе. Не потому, что мне это принципиально, а потому что здесь моя внешность — это инструмент. Невинная блондинка с кукольным лицом и голосом, способным убаюкать ядовитую змею. Пациенты часто расслабляются при виде меня в первые минуты знакомства. Меня недооценивают. И это — моя самая сильная позиция. Я провожу ладонью по волосам, откидывая их назад, и отворачиваюсь.

Первая папка в моей стопке — Маркус Вейн. Тридцать один год. Диагноз: параноидная шизофрения с эпизодическим течением, острая фаза. Первая встреча с ним была месяц назад. Я перелистываю свои заметки и снова слышу запах дезинфекции, которым пропахла изоляционная палата. Маркус сидел на койке, поджав под себя ноги, и раскачивался вперёд-назад. От него пахло кислым потом. Его глаза — большие и карие, как у испуганного оленя — смотрели сквозь меня. Типичный соматический компонент: тахикардия, сухость во рту, расширенные зрачки.

— Маркус, — сказала я тихо, присаживаясь на стул напротив. — Расскажи, что ты видишь.

Он замер. Раскачивание прекратилось. Его челюсть сжалась, и голос, хриплый и надломленный, прошептал:

— Нити. От неба до земли. Белые нити. И кто-то... кто-то их натягивает. Я должен их обрезать, доктор. Иначе они затянутся на моей шее. Почему мне никто не верит? Почему?! Почему?! ПОЧЕМУ?!

Бред воздействия с элементами преследования — классика. Но Маркус описывал это так отчаянно, так убедительно, что на секунду я сама поймала себя на мысли: а что, если они и правда есть? Что, если его мозг, лишённый фильтров, улавливает какие-то электромагнитные поля, невидимые для здорового глаза? Научных подтверждений этому нет, конечно. Но иногда от этого становится только интереснее. Мы начали с арипипразола, 10 мг, с постепенным увеличением до 20. На четвёртой неделе Маркус перестал раскачиваться. Его речь стала более связной. Он больше не говорил о нитях. Хотя, когда я спросила его, видит ли он их сейчас, он надолго замолчал, а затем выдавил:

— Я научился... не смотреть на них.

Следующий пациент — Элеонора Грей. Двадцать восемь лет. Диагноз: тяжёлое биполярное расстройство I типа с психотическими чертами в фазе депрессии. Я встречалась с ней трижды, и каждый раз моё сердце сжималось от какой-то странной, неуместной зависти. Не к её болезни — нет, это было бы извращением. А к той яростной полноте чувств, на которую она была способна в некоторые моменты своей жизни. Свою первую манию Элеонора описывала так, будто рассказывала о наркотике. Четыре часа сна в сутки, море энергии, желание переделывать весь мир, все проекты одновременно — и ни одного завершённого. Она разослала сто двадцать электронных писем за ночь с бизнес-идеями, часть из которых, по её же словам, были «гениальными», а часть — «плодом раздутого эго». Она чувствовала себя богиней. Купила

мотоцикл, хотя ни разу не сидела за рулём. Потом продала его через неделю. Влюблялась три раза за месяц. А затем — обрыв и падение в чёрную яму.

— В депрессии, — сказала она мне на первой сессии, сжимая пальцами подлокотники кресла так, что побелели костяшки, — я не чувствую боли. Я чувствую только отсутствие всего. Эмоции? Их нет. Желание встать с постели? Нет. Даже мысль о смерти кажется мне слишком энергозатратной.

Она спала по двадцать часов в сутки, но при этом была хронически истощена. Психомоторная заторможенность сменялась редкими всплесками ажитации — она могла внезапно вскочить и начать ходить по комнате кругами, бормоча что-то себе под нос. Её гены не оставили ей выбора. Мать с таким же диагнозом, отец — алкоголик с депрессивным расстройством. Элеонора была обречена на эти качели с рождения. Но она боролась.

— Почему ты не сдаёшься? — спросила я её.

Она посмотрела на меня долгим, тяжёлым взглядом.

— Потому что в мании я знаю, кто я. Я пламя. А в депрессии я просто жду, когда смогу снова загореться.

Терапия литием (900 мг с коррекцией по уровню крови), кветиапин для сна по 50 мг. Элеонора ненавидела кветиапин — он делал её «ватной», по её словам. Но без него она не спала и рисковала уйти в очередной виток.

Я закрываю папки и провожу ладонями по лицу. Тишина кабинета давит на уши. И в этой тишине, как всегда, вползает крамольная мысль. Я врач. Я поставила десятки диагнозов, разработала десятки планов лечения. Я знаю все критерии DSM-5 наизусть. Мой мозг так хорошо выстроил защиту, так плотно закупорил все трещины, через которые не может просочиться что-то иррациональное, что я задыхаюсь в этой стерильности. Я трясую головой, отгоняя эту мысль. Метафизика — не моё. Вместо этого я возвращаюсь к рабочим заметкам.

## Глава 2

**6:00.** Будильник на телефоне завибрировал, вырывая меня из того странного полусна, в котором я обычно пребывала под утро. Я всегда ставлю его на час окончания ночной смены — слишком часто ловила себя на том, что могу отключиться прямо за столом, уткнувшись носом в историю болезни очередного пациента. Я потянулась, хрустнув шеей — позвонки отозвались сухим треском.

Я вышла из кабинета и направилась к лифту. Ноги гудели после бессонной ночи, голова была тяжёлой, но внутри уже зарождалось то привычное чувство освобождения, которое приходит в конце смены. Скоро дом, душ и кровать. Лифт с мягким шорохом открыл двери. Я нажала кнопку второго этажа — там сдавала дела ночная дежурная администраторша, Марта, которую я терпеть не могла за её вечно презрительный взгляд в мою сторону (я знаю, что некоторый персонал считал меня звездной девочкой мажоркой). Но без её подписи я не имела права уйти. Двери лифта открылись и я почувствовала как воздух стал гуще. Словно кто-то невидимый провёл смычком по гигантской струне, и её вибрация прокатилась по моим костям, заставив замереть на пороге. Напряжение здесь было почти осязаемое, как перед грозой, когда небо ещё чистое, но где-то за горизонтом уже мечутся молнии.

Коридор второго этажа, обычно сонный в это время, сегодня казался... другим. Из правого крыла доносились звуки: быстрые шаги, приглушённые голоса, лязг металла. Я сделала несколько шагов в ту сторону и выглянула за угол. Сквозь полупрозрачные стёкла переходов, соединяющих корпуса, я увидела, как некоторые наши врачи, санитары и охрана с оружием на поясах — быстро куда-то бежали. Я приблизилась к окну торцевого холла и выглянула на парковку для служебного транспорта. Там, среди привычных машин персонала, стояло три чёрных минивэна с тонированными стёклами. Такие обычно используют для перевозки особо опасных пациентов. Рядом с ними — матово-чёрный Ford с номерами «US Government». ФБР.

— Что черт возьми происходит? — прошептала я.

Моё проклятое, всепоглощающее любопытство закипало где-то в груди, обжигая, как глоток дешёвого виски. Я развернулась и пошла обратно к лифту, чтобы подняться на пятый этаж, к кабинету доктора Кейта: массивная дверь из тёмного дуба, с бронзовой ручкой. За ней — просторная комната с высокими потолками и панорамным окном, выходящим на сосновый лес. Стены — в тёплых кремовых тонах, без единой картины. Кейт не любил украшательства. Его эстетика была эстетикой власти: ничего лишнего, ничего, что отвлекало бы от работы.

Стол — массивный, из красного дерева, заваленный бумагами, но каждая стопка лежала под идеальным углом. За креслом — книжный стеллаж от пола до потолка. Слева от стола — небольшой столик с кофемашиной. Справа — сейф, вмонтированный в стену и замаскированный под панель. И везде — ни пылинок. Кейт терпеть не мог беспорядка.

Кабинет был пуст. Я уже хотела развернуться и поискать его на других этажах, однако — то самое напряжение, которое не отпустило меня со второго этажа домой, — заставило замереть. Взгляд скользнул по стеллажу и я заметила, что одна из ячеек была приоткрыта буквально на пару сантиметров, а из щели выглядывал угол чего-то ярко-красного.

Я сделала шаг к стеллажу, потом второй. Рука уже потянулась к полке, но я одёрнула себя.

— Анна, ты что, с ума сошла? — прошептала я вслух, и мой голос в тишине кабинета прозвучал чужим.

Профессиональная этика, уважение к чужому пространству, границы. Всё это было во мне, но мое проклятое любопытство свело бы меня с ума, если бы я ушла не посмотрев. То самое любопытство, что привело меня в психиатрию. Я выглянула в коридор, чтобы удостовериться, что никто внезапно не зайдет. Там было пусто, ни души, словно сама вселенная давала мне знак: действуй, утоли свое любопытство.

Я вытащила алую папку дрожащими пальцами. На обложке была чёрная лента с грифом, отпечатанным крупными буквами:

**«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО. ПЕРЕДАЧА ТРЕТЬИМ ЛИЦАМ ЗАПРЕЩЕНА»**

И ниже — пометка от руки, размашистым почерком Кейта: **«Пациент X»**.

— Чёрт, — прошептала я, чувствуя, как внутри всё сжимается от предвкушения и страха.  
— Чёрт, чёрт, чёрт.

Проклятое любопытство. Оно когда-нибудь меня убьёт. Я открыла папку:

**« СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО**

**Уровень доступа: «Эксперт-А»**

*Передача третьим лицам запрещена. Уничтожение документации — только по акту.*

*Срок хранения: бессрочно.*

**Код: Пациент X**

**Ф.И.О.:** прочерк

**Дата рождения:** прочерк ( 27 лет)

**Гражданство:** прочерк (документов нет, отпечатки пальцев отсутствуют в базах данных Интерпола, ФБР, иммиграционной службы США)

**Место задержания:** Лос-Гатос, [зачёркнуто чёрным маркером], лабораторный комплекс «[зачёркнуто]»

**Дата инцидента:** [зачёркнуто]

**Дата поступления в клинику:** 14 марта

В ночь с [зачёркнуто] на [зачёркнуто] поступило сообщение от граждан о необычном свечении из окон здания по адресу: [зачёркнуто]. По прибытии первого патруля (офицеры Т. Коллинз и Р. Мендоза) зафиксировано:

из окон третьего этажа исходит зеленовато-белый свет;

из здания доносятся неидентифицируемые звуки, предположительно — крики;

спустя 4 минуты из окна третьего этажа выпрыгнул мужчина (впоследствии опознан как Марк Ридли, 32 года, сотрудник лаборатории), получил открытый перелом левой ноги, после чего попытался скрыться бегом. Задержан.

При осмотре внутренних помещений обнаружено 30 тел погибших (список прилагается, гриф [зачёркнуто]). Признаков насильственной смерти не выявлено. Предварительная причина смерти — остановка сердечной деятельности на фоне воздействия неизвестного токсического агента.

В центре зоны поражения, в лабораторном блоке BSL-3, обнаружен мужчина (Пациент X). Сопротивления при задержании не оказывал. На момент прибытия полиции находился в сознании, стоял, не проявлял признаков двигательного возбуждения или токсического поражения. Вербальный контакт не установлен.

**Терапевт:** доктор [зачёркнуто], госпиталь общего профиля Лос-Гатос.

Пациент ориентирован? — не определяется. Реакция на боль — отсутствует (проверено: катетеризация, забор крови, давление на ногтевое ложе). Реакция на свет — зрачки расширены, сужаются незначительно. Артериальное давление — 85/60, пульс — 48 уд/мин. Температура тела — 35,2°C.

Токсикологический анализ крови — чист. Маркеры инфекций — отрицательно. Генетический скрининг — [зачёркнуто, затем вписано от руки]: «*направлен в специализированную лабораторию*».

**Заключение:** состояние, не поддающееся классификации. Пациент не демонстрирует физиологических реакций, характерных для нормального человека. Рекомендовано немедленное направление в специализированное психиатрическое учреждение для дальнейшего наблюдения и попытки вербального контакта.

**Врач:** доктор [зачёркнуто], клиника [зачёркнуто].

Пациент помещён в изолированную палату. В течение 4 часов проводилась беседа с применением стандартных методик. Результат: полное отсутствие вербальной и невербальной реакции. Пациент не смотрит в глаза, не поворачивает голову на звук, не меняет позы.

Предположительный диагноз: мутизм на фоне острого психотического эпизода? кататония? диссоциативное расстройство? симуляция?

**Рекомендовано:** перевод в клинику, специализирующуюся на работе с резистентными пациентами и лицами, совершившими особо тяжкие преступления в состоянии невменяемости.

Принято решение о переводе Пациента X в закрытое психиатрическое учреждение «зачёркнуто» (Ангелс-Кэмп, Калифорния).

Ответственный за приём, размещение и первичную диагностику: доктор Джонатан Кейт, главный врач.

Контроль со стороны федеральных структур — специальный агент [зачёркнуто], отдел [зачёркнуто].»

Ниже — фотография. Мутная, чёрно-белая, словно распечатанная на дешёвом принтере. Молодой мужчина лет 25, со светлыми волосами, бледным лицом и ярко-синими глазами, которые даже на этом снимке казались неестественно синими.

Я перевернула фотографию. На обороте — штамп: **«К делу № [зачёркнуто]. Оpozнание не требуется.»**

Я закрыла папку. Пальцы дрожали так сильно, что я едва справилась с чёрной лентой, которой она была перевязана. Внутри всё колотилось, пульс стучал в висках, какая-то истеричная вибрация где-то в груди, которую я не могла контролировать. Мой мозг взорвался фейерверком вопросов. Почему он не чувствует боли? Почему его отпечатков нет в базах? Почему он молчит? Что он видел? Что с ним сделали? Или что он сделал сам?

Я перелистнула страницы ещё раз, уже на автомате, вглядываясь в чёрные полосы, скрывающие даты, имена, адреса. Словно кто-то целенаправленно выдирал куски реальности, оставляя только голый скелет событий. Наша клиника никогда не была государственной. Мы частное заведение. Да, с хорошей репутацией, да, с доступом к сложным пациентам. Но чтобы вот так — гриф «Совершенно секретно», уровень «Эксперт-А». Я почувствовала, как холодок пробежал по спине. Что-то здесь было не так.

— Анна?

Я вздрогнула так, что едва не упала с кресла. Доктор Кейт стоял на пороге — высокий, взъерошенный, с красными глазами и чашкой остывшего кофе в руке. В его взгляде мелькнуло удивление, сменившееся яростью.

— Какого чёрта ты делаешь? — спросил он, и его голос прозвучал злоеще...

## Глава 3

— Анна? Какого чёрта ты здесь делаешь?

— А... — начала я, но он шагнул внутрь и с грохотом захлопнул дверь.

Я инстинктивно попятилась, прижимаясь спиной к книжному стеллажу. Сердце колотилось где-то в горле. Я чувствовала, как кровь отливает от лица и как холодеют кончики пальцев.

— Ты понимаешь, что ты натворила? — прорычал он, приближаясь.

Доктор Джонатан Кейт, старый друг моего отца, человек, который дал мне место в этой клинике, когда другие сомневались в моём возрасте и опыте, сейчас стоял передо мной с лицом, искажённым злобой. Я никогда не видела его таким. Даже на самых тяжёлых разборах полётов. Он почти всегда был спокоен и выдержан.

— У меня нет оправданий, — наконец сказала я.

Он замер. На секунду удивление промелькнуло в его глазах — видимо, он ожидал слёз, мольбы, истерики или хотя бы жалких попыток соврать.

— Что? — переспросил он хрипло.

— Я сказала: у меня нет оправданий, доктор Кейт, — повторила я, стараясь смотреть ему прямо в глаза. — Я понимаю, что вошла туда, куда не имела права. И я не буду придумывать дурацких отговорок.

Он горько усмехнулся. Подошёл к столу и с силой хлопнул по столешнице ладонью.

— Ты хоть представляешь, насколько это серьёзно? — его голос сорвался на крик. — Ты хоть понимаешь, какие последствия могут быть теперь для тебя? Для меня? Для всей клиники?

— Понимаю.

— Нет, не понимаешь! — Он провёл рукой по лицу, тяжело дыша. — Анна, это не твои дурацкие истории болезней, не отчёты по терапии. Это федеральный уровень. Гриф секретности, которого у нас в клинике никогда не было. Если узнают, что кто-то без допуска...

— Я никому не скажу, — перебила я.

— А я должен тебе верить? — Он в упор посмотрел на меня. — Из-за того, что твой отец мой друг? Из-за того, что я всегда относился к тебе снисходительно?!

Я почувствовала, как внутри всё вспыхнуло от обиды.

— Я никогда не просила об этой работе, — сказала я, и мой голос дрогнул, но я заставила себя говорить дальше. — Да, я знаю, что моё место здесь — во многом благодаря моим родителям. Я всегда это понимала, а потому всегда старалась быть в два раза лучше любого другого врача, чтобы никто не мог сказать, что я здесь только из-за связей. Я хотела быть хорошим психиатром, а не отражённым светом фамилии Миллер.

Кейт молчал. Смотрел на меня тяжёлым, усталым взглядом.

— Но сейчас, — продолжила я, — я не прошу снисхождения. Я сделала глупость, поддалась любопытству, но я готова понести наказание. Хотите уволить — увольняйте. Но, раз я уже втянута в какое-то дерьмо, хотя бы объясните мне, что происходит.

Он отвернулся, прошёлся по кабинету, остановился у окна. Пальцами провёл по седым волосам.

— Ты не представляешь, во что вошла, Энни, — сказал он тихо, уже не крича.

— Так объясните.

— Не могу.

— Но я уже видела папку. Я уже знаю про лабораторию. Про пациента X.

— Ты видела лишь верхушку айсберга, — отрезал Кейт. — И поверь, тебе не нужно знать, что скрывается дальше. Это для твоей же безопасности Энни. Оставь это дело из-за уважения к моим старым седидам.

Он вернулся к столу, сел в кресло, откинулся на спинку. Выглядел он разбитым.

— Я в первый и последний раз прощаю тебе такую выходку, — сказал он устало. — Иди домой. Забудь всё, что видела. Не лезь больше в мои документы. Не задавай вопросов. Если кто-то спросит — ты ничего не знаешь. Поняла?

— Поняла, — кивнула я.

— Тогда иди домой.

Я вышла от Кейта, и колени у меня дрожали так, что я почти не чувствовала пола. Меня обдало огромной волной чувства вины. Таким я никогда его не видела. Не начальника, который орет на подчиненного, а человека, у которого сдают нервы. И из-за меня, между прочим. Конечно, он друг отца, и я, дура, повела себя как последняя нахалка... И не дай бог отец узнает — он мне голову оторвет за такое непрофессиональное поведение. Да и сам доктор Кейт... он же всегда был ко мне добрее, чем я заслуживала. «Энни.» Меня так называет только мама, папа, тетя Джованна, моя лучшая подруга детства Эрика... и доктор Кейт, когда хочет быть особенно заботливым. Я вышла за дверь. По пути к лифту я лихорадочно размышляла. Мне нужна была подпись Марты в отчете, иначе ночная смена не считалась бы незакрытой. Чертова бюрократия! Я нажала на кнопку лифта, и когда двери закрылись, я глубоко вздохнула, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце. Нужно взять себя в руки. Тишина оглушала, и я прокручивала в голове лицо Кейта. Я остро почувствовала, что подвела человека, который всегда в меня верил. Мне стало так стыдно, что к горлу подступил жгучий ком. Но чёртово любопытство не унималось. Оно жило своей жизнью, где-то в глубине моего сознания, пульсируя в унисон с сердцем.

«Пациент X», — крутилось у меня в голове. — «Кто же ты такой?»

Двери лифта открылись, и я шагнула в тихий коридор второго этажа. Пост Марты, как я и ожидала, был пуст.

— Черт, — прошептала я, нервно оглядываясь по сторонам.

Я решила пройти в конец коридора, надеясь, что на пути мне попадется кто-нибудь из персонала, кто сможет подсказать, где на этот раз прохлаждается Марта. Я свернула за угол коридора и оказалась у входа в правое крыло. Там было не просто оживленно — там была настоящая оперативная группа. В коридоре, ведущем в крыло, стояло несколько полицейских в форме. Я не особо разбираюсь в их званиях, но эти ребята выглядели как настоящий спецназ — все в черной униформе, с оружием, переговорными устройствами и серьезными лицами.

Дальше, в самом конце, я увидела процессию. Их было много — врачи в хирургических масках, санитары и снова те люди в черном, уже в бронежилетах, с автоматами наперевес. Они шли плотным кольцом и между ними, в самом центре этого живого эскорта, шел заключенный. На нем была черная футболка и брюки, а голова была накрыта каким-то мешком или капюшоном. Я слышала, что так перевозят особо опасных преступников, приговоренных к высшей мере, или тех, кто связан с государственной тайной. По бокам от него шли двое конвоиров и держали его за локти.

Мое сердце бешено заколотилось, когда они поравнялись с тем местом, где я стояла, за полупрозрачной стеной. Словно почувствовав мой взгляд, заключенный повернул голову в мою сторону. Ткань мешка колыхнулась, и я увидела его лицо. Вернее, сначала я увидела его глаза. Синие. Не просто синие, а пронзительно-светящиеся, словно два маленьких солнца в сумерках. Это было пугающе и одновременно завораживающе. Я почувствовала, как внутри меня завибрировала какая-то струна, доселе незнакомая, и этот звон разливался по всему телу, заставляя забыть, где я нахожусь. А потом он улыбнулся, едва заметно, краешком губ, но эта улыбка была адресована именно мне.

Наверное, я простояла так всего пару секунд, но они показались мне вечностью. А потом мне стало так страшно, что я резко отшатнулась за угол, прижимаясь спиной к холодной стене. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, его стук был слышен во всем коридоре.

«Что это было? — подумала я, пытаюсь отдышаться. — Кто он такой?»

Я заставила себя снова выглянуть из-за угла, чтобы еще раз взглянуть на процессию, но было уже поздно. Врачи, санитары и конвой уже скрылись за поворотом. Я видела, как последний из агентов в костюме нажал кнопку вызова лифта. Двери распахнулись, и вся группа быстро и организованно, как единый механизм, зашла внутрь. Через мгновение двери закрылись. Табло над лифтом показало движение кабины вниз. Она продолжила спускаться и замерла на минус первом этаже.



## Глава 4

Прошло три недели с того злополучного дня. Я старалась отвлечься работой. Проводила дополнительные сессии, оставалась после смен, чтобы разобрать архив. Всё, лишь бы не думать, лишь бы не вспоминать тот взгляд и те синие глаза.

Мои пациенты, как всегда, не давали мне расслабиться. Маркус Вейн, мы продолжали работу — когнитивно-поведенческая терапия, направленная на снижение фиксации на психотических переживаниях. Медленно, миллиметр за миллиметром, вытаскивая его из того мира, в который его так сильно затянуло. В прошлый раз я попросила его вести дневник наблюдений за «голосами», фиксируя частоту и содержание. Дневник был почти пуст — он боится записывать, потому что тогда «нити снова затянутся на его шее, словно удавка.»

Элеонора Грей, после трёх стабильных недель, вдруг сорвалась в манию. Классическая весенняя декомпенсация, которую не предугадать. «Я хочу открыть приют для бездомных животных и галерею, представляете, доктор Анна? Мне уже намного лучше, мне срочно нужно отсюда уйти, выпишите меня! Мне уже лучше! Правда!». Я смотрела на неё и с тоской понимала, что литий нужно корректировать, а к кветиапину добавить что-то посерьёзнее. Уговаривала сдать анализ крови для проверки уровня препарата — она согласилась, но только после того, как набросала на салфетке бизнес-план своего империума из трёх совершенно несовместимых проектов. Потом будет падение. Дофаминовая яма, из которой она выползает с единственной мыслью: «Зачем просыпаться?». И в мании, и в депрессии в её глазах есть что-то такое — жажда жизни, переходящая в ненависть к ней.

Но между сессиями, в редкие минуты тишины, я мысленно возвращалась к красной папке. К Пациенту X. Я пыталась найти хоть какую-то информацию. Хотя бы намёк. Вечерами, лёжа в кровати с ноутбуком на животе, я вбивала в поисковик разные комбинации: «*Лос-Гатос массовое убийство*», «*инцидент в лаборатории Калифорния*». Ничего. Иногда всплывали старые новости о наркокартелях или перестрелках, но ничего похожего на тридцать мёртвых учёных не было. Словно кто-то вычеркнул это событие из реальности.

За эти три недели я видела доктора Кейта всего пару раз. Короткие встречи в коридоре. Он избегал моего взгляда, каждый раз, когда наши глаза почти встречались, он отводил их в сторону и бросал что-то вроде «*Анна, отчёт на почту пришлите, пожалуйста*» и быстро уходил. Я чувствовала себя нашкодившим ребёнком, которого поставили в угол, но забыли сказать, когда можно выйти. Хуже всего было то, что я понимала: я виновата. И в то же время я злилась.

Обычный вторник. Я сидела в своём кабинете, разбирала бумаги Элеоноры, подбирая противотревожный препарат для сглаживания амплитуды. За окном моросил дождь, а я уже мысленно была дома, в горячей ванне. Телефон завибрировал. Я взглянула на экран.

**Доктор Кейт.**

— Алло? — ответила я.

— Анна, — его голос был сухим и официальным. — Вы можете подняться ко мне? Сейчас. Срочно.

— Да, конечно. Что-то случилось?

Пауза.

— Просто поднимитесь, — сказал он и отключился.

Я смотрела на потухший экран, чувствуя, как внутри всё сжимается.

«*Меня уволят?*»

Я поднялась, поправила халат, одёрнула блузку. Надо идти.

Дверь в кабинет Кейта была приоткрыта. Я постучала и вошла, не дожидаясь ответа. Он сидел за столом, руки сцеплены в замок. Выглядел он уставшим: глубокая тень и мешки под глазами, небритость, воротник рубашки расстегнут.

— Садись, — сказал он, кивая на кресло напротив.

Я села. Тишина затянулась.

— Доктор Кейт, — начала я осторожно, — что происходит? Вы меня пугаете.

Он поднял голову. Посмотрел мне в глаза — впервые за три недели. В его взгляде не было злости. Была усталость, отчаяние и странная, почти виноватая мягкость.

— Мне жаль, Анна, — сказал он тихо. — Я бы никогда так не поступил, если бы федералы не давили на меня так сильно. Но у меня нет выбора.

Я молчала, чувствуя, как внутри разгорается тревога.

— Что значит «так поступить»? Что вы хотите мне сказать?

— Пациент X, — произнес он поперхнувшись. — Он здесь уже почти месяц. Мы перепробовали всё. Лучшие психиатры клиники, которых я только мог привлечь. Профессора с двадцатилетним стажем. Специалисты по резистентным формам шизофрении. Никто ничего не добился. Он молчит. Смотрит на них и молчит. — Кейт провёл рукой по лицу. — А федералы требуют результатов. Они хотят знать, что произошло в той лаборатории. Если мы не дадим им ответы, они заберут его, пострадает не только репутация нашего центра... Это все очень серьёзно Анна...

— Вы хотите, чтобы я попробовала? — спросила я, и мой голос, кажется, дрогнул.

Кейт посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом.

— Я долго не решался. Ты молода, неопытна, этот пациент опасен... — Он помолчал. — Но ты единственная, кто его заинтересовал. Он говорил о тебе пару раз... Кажется он заметил тебя в тот день... Я понимаю все опасность и серьёзность ситуации и пойму, если ты откажешься...

Моё сердце колотилось где-то в горле.

— На вчерашней комиссии с федералами я выбил для тебя санкционированный доступ к его делу, — продолжил Кейт. — Официально. С допуском, с документами. Всё в рамках протокола.

— То есть... — Я не верила своим ушам. — Вы предлагаете мне стать его лечащим врачом?

— Я спрашиваю, сможешь ли ты это сделать.

Внутри меня взорвался фейерверк эмоций. Адреналин, страх, восторг, любопытство — всё смешалось в один горячий ком, подступивший к горлу. Я хотела закричать «ДА!», но заставила себя сдержать свой глупый азарт.

— Доктор Кейт, — сказала я, — вы не шутите?

— Я не шучу, когда речь идёт о федералах, Энни, — усмехнулся он горько.

Я сделала глубокий вдох. Мне было так трудно поверить в реальность происходящего. Доктор Кейт рисковал, и я знала, что не могу отказаться.

— Я справлюсь, — сказала я твёрдо.

В глазах Кейта мелькнуло облегчение.

— Ты уверена?

— Да.

Он кивнул, достал из сейфа серую папку, положил на стол.

— Это соглашение о неразглашении. Уровень «Эксперт-А». Нарушение карается федеральным законодательством. Ты читаешь, подписываешь, и дело — твоё.

Я взяла ручку. Пальцы слегка дрожали, но я справилась.

— Я вас не подведу, — сказала я.

— Не обещай того, в чем не можешь быть уверена, — ответил он устало. — Просто делай свою работу.

Я подписала. Три экземпляра. Когда последняя подпись была поставлена, Кейт забрал документы, убрал их в сейф и повернулся ко мне.

— Завтра утром. Девять часов. Подвал, палата номер тринадцать. Охрана будет предупреждена.

Я кивнула.

— Хорошо.

— И, Энни... — он посмотрел отеческим взглядом. — Будь осторожна. Этот пациент... он не такой, как другие. Не поддавайся ему. Ты поняла?

— Поняла, — ответила я.

Но тогда, выходя из кабинета, я еще не знала, что солгала. Потому что я уже поддалась, в тот самый миг, когда увидела его глаза в полумраке коридора.

## Глава 5

Я ожидала увидеть бетонную клетку, решетки, убогий свет и запах антисептика — стандартный антураж любой психбольницы для особо опасных. Вместо этого меня встретила почти домашняя тишина и бежевые мягкие стены. Комната была похожа на камеру в премиум-классе: стены и пол обиты тканью, кровать встроена в них, и лишь маленькое окошко под потолком напоминало, что это тюрьма. Я никогда не была в подвальном помещении нашей клиники, а потому не особо себе представляла, как может выглядеть камера для таких таинственных ублюдков.

Он сидел на краю кровати, небрежно откинувшись на подушки, положив ногу на ногу. Его поза выражала не привычный страх заключенного, а скуку короля, которому надоело ждать свою аудиенцию. На нем была простая черная футболка, которая облегала широкие плечи и мощные руки. Создавалось впечатление, что мышцы не накачаны в спортзале, а выточены природой. Это не было красивым в обычном смысле. Это было природное, дикое изящество хищника. Возможно, именно так выглядел бы падший ангел, если бы его изгнали с небес. Светло-русые волосы были зачёсаны назад и лишь мелкие пряди у лица распадались небольшим водопадом. Лицо было бледным, с четко выраженными скулами. В его ярко-синих глазах не было пустоты, которую я ожидала увидеть. В них горел живой, ясный и до ужаса опасный огонь. Художники эпохи Возрождения убили бы за возможность написать такой портрет. Психиатры предпочли бы держаться подальше. Страх сковал мое тело, приклеивая ступни к полу. Но в этот момент во мне резко заговорил профессионал. «Вскрыть бы его черепную коробку и посмотреть, что там происходит», — пронеслось в голове.

Я взяла стул, поставила его на некотором расстоянии от него и села, стараясь сохранять спокойствие.

— Доброе утро, — начала я. — Я доктор Анна Миллер. Я буду вашим лечащим врачом.

Он посмотрел на меня и медленно улыбнулся. Я продолжила, задавая стандартные, хорошо продуманные вопросы. Он не отвечал, просто сидел и, казалось, наслаждался представлением. Его молчание казалось было не симптомом болезни, а оружием, которым он проверял меня. Мое раздражение росло, и я поняла, что нужно менять тактику. Я не могла облажаться.

— Я знаю, что вы не говорили с другими врачами, — сказала я. — Ни слова за три недели.

Он молчал.

— И всё же доктор Кейт посчитал, что я должна попробовать. — Я сделала паузу, глядя ему прямо в глаза. — Потому что вы меня заметили тогда. В тот день, когда вас привезли. Сказали, что хотите говорить именно со мной.

Я сделала ставку на нарциссическую потребность в контроле — если он думает, что сам выбрал врача, то, возможно, заговорит.

Он рассмеялся — тихо, без напряжения, но с ноткой одобрения.

— Вы умнее, чем кажется, доктор.

Голос оказался низким, чуть хрипловатым, и от него у меня сжались мышцы живота.

— Предпочитаю думать, что соответствую своему образованию, — ответила я. — Но вы не ответили на вопрос. Почему я?

Он усмехнулся и нарочито медленно провел пальцами по своей груди, словно поправляя несуществующий галстук.

— Потому что лучше я поболтаю с сексуальной блондинкой, чем с пристарелыми мудаками — Он наклонил голову, рассматривая меня так, будто я была для него дико забавной. — Как вы сами думаете доктор, что будет приятнее: секс с вами или с теми старыми развратниками? — он рассмеялся, проверял границы. Хотел увидеть, как яотреагирую.

Я выдержала паузу ровно настолько, чтобы он почувствовал, что его провокация не достигла цели.

— Вы забываетесь, — спокойно сказала я. — Игры в «скажи, что я хочу услышать» со мной не работают. Мне не интересно, с кем бы вы предпочли переспать и ваши сексуальные предпочтения меня совсем не волнуют.

— А мне кажется, что вас очень даже могут заинтересовать, как вы выразились, «мои сексуальные предпочтения» ... - Он пялился на меня словно мартовский кот.

Я чуть подалась вперёд, сокращая дистанцию, чтобы показать этому заносчивому психопатичному ублюдку его место.

— Вы правы, — сказала я. — Могут. Но ровно настолько, насколько они являются симптомом. Гиперсексуальность, например, часто сопутствует маниакальной фазе биполярного расстройства. Или же это может быть частью нарциссического расстройства — использование сексуальности как инструмента контроля. Так что давайте, просветите меня. Что именно вы пытаетесь доказать? Свою власть над мной? Свою привлекательность? Или вы просто боитесь, что без этой дешёвой провокации вам нечем меня зацепить?

— Дешёвой, говорите? — Он наклонил голову, словно оценивая меня заново. — А вы, доктор, умеете быть колючей. Это... неожиданно... и так приятно.

— Я психиатр. Моя работа — быть колючей, когда пациент пытается перевести разговор в подобное русло. — Я скрестила руки на груди. — Вы хотите говорить о сексе? Пожалуйста. Только давайте сразу договоримся: я не краснею, не смущаюсь и не ведусь на примитивные уловки. Меня не соблазнить хамством, мистер X.

Он усмехнулся с неким уважением наполовину с любопытством. Он встал с кровати, медленно и демонстративно. Прошёлся по комнате и остановился у окна под потолком, упёрся ладонью в мягкую обивку стены.

— Хорошо. Давайте сыграем в вашу игру. Что вы хотите знать?

— Почему вы здесь? — спросила я. — Не в этой палате — а вообще. Почему вы не сопротивлялись, когда вас задержали федеральные агенты?

— Вы задаёте не те вопросы, которые должен задавать психиатр.

— Вы спросили, что я хочу знать, я задала интересующий меня вопрос. Будьте так любезны и ответьте на него.

— Ммм, доктор Анна, как же вы хороши, - он словно простонал эту фразу с таким бархатом в голосе, что у меня даже перехватило дыхание и закружилась голова. — Я отвечу на ваш вопрос. Я так захотел. Так надо.

— Это плохой ответ, - сказал я, собирая себя по кусочкам от его предыдущей фразы. Внутри себя я вела войну со своим глупым телом, которое отвечало на низменные призывы этого сексуального маньяка. В его случае слово «сексуального» означало нечто другое, нечто, что описывало его внешность и манеры. Это было так чертовски глупо и мне было так чертовски стыдно за себя.

— В любом случае это ответ. Нравится он вам или нет, считаете вы его плохим или хорошим-все это сути не меняет.

— Суть в том, что вы уходите от прямого ответа. «Я так захотел» — это не объяснение. Это отмазка для пятилетнего ребёнка.

— А вы хотите услышать исповедь? — Он усмехнулся. — Раскаяние? Слезы? Доктор, я разочарую вас. Я не чувствую вины. Я не чувствую ничего из того, что вы могли бы записать в протокол и махать им перед своим начальством как победным флагом.

— Я не прошу вас чувствовать. Я прошу вас объяснить. На уровне логики, если с эмоциями у вас проблемы. Вы явно знаете, как работает этот мир. Так объясните мне, почему вы не сбежали? Почему вы здесь, в этой камере и разговариваете со мной?

Он молчал несколько секунд.

— А вы настойчивы, доктор, — сказал он наконец. — Это подкупает. Я не сбежал, потому что... мне стало интересно. Если хотите, то можете это называть особой игрой, в которую я начал играть очень давно, и вот я приближаюсь к финишу. Не волнуйтесь за мою свободу доктор. Я здесь ровно настолько насколько сам захочу.

— Игра? — Я наклонила голову, изображая задумчивость, хотя внутри лихорадочно перебирала варианты. — Значит, вы считаете, что контролируете ситуацию? Что ваше заключение — это часть вашего плана, а не результат вашего преступления?

— А вы сомневаетесь? — Он улыбнулся и у меня снова свело мышцы живота. Словно глупые бабочки порхавшие внутри решили вскрыться от происходящего, чтобы больше не заставлять меня чувствовать глупо.

— Я сомневаюсь в том, что вы настолько уверены в своей неуязвимости, хотя вы здесь, это должно быть неудивительным, — парировала я. — В бетонной коробке с мягкими стенами. Под присмотром федералов. Если это ваш «финиш», то он выглядит как тупик.

— Тупик для того, кто привык двигаться по прямой, — спокойно ответил он. — А я умею ждать. И наблюдать. И выбирать момент. Что если я один вижу мир без «розовых очков»?

— Выбирать момент для чего?

— Для того, чтобы сделать следующий ход. — Он прошел немного вперёд, сокращая дистанцию, между нами. — Или чтобы закончить игру. Я ещё не решил.

— И где в этой игре место для меня? — спросила я тихо. — Я тоже часть вашего плана?

— А вы хотите быть частью моего плана? — Он произнёс это так, будто предлагал мне присесть за стол с дьяволом.

— Я предпочитаю не играть в игры, правила которых мне не известны, — ответила я. — Но раз вы заговорили об игре, давайте сделаем ход. Скажите мне своё имя. Настоящее.

— А зачем вам имя? — Он вновь лег на кровать и откинулся на подушки. — Это всего лишь ярлык. Оно ничего не меняет. Обращайтесь как хотите: «Пациент X». «Подозреваемый». «Убийца». «Монстр». Мне все-равно.

— Мне все же удобнее будет называть вас по имени, для вашего же комфорта... - сказала я, готовясь к его очередной саркастической атаке.

- Оу... Доктор, для моего комфорта? — он рассмеялся. — Если моему доктору так будет комфортнее, вы можете называть меня...

Пауза.

— ...Виктор.

— Хорошо. «Это первый шаг», — сказала я, прекрасно понимая, что это мог быть очередной блеф и имя могло быть ненастоящим. Однако, любой прогресс — это прогресс.

— Первый шаг к чему?

— К тому, чтобы вы перестали играть в загадки и начали говорить по существу.

— Вы напористы, доктор. Меня это так возбуждает. Но будьте осторожны: напор иногда ломает то, что могло бы стать интересным.

— Я умею дозировать давление, — ответила я сухо. — Это тоже сможет вас возбудить. Поверьте, моему опыту, — усмехнулась я, отплачивая ему той же монетой.

— О, я не сомневаюсь. — Он скрестил руки на груди.

— Если вам неймётся флиртовать, пожалуйста, но я буду переводить всё это в профессиональную плоскость. Вас это устраивает?

— А у меня есть выбор? — Он приподнял бровь, но в его голосе не было недовольства. Скорее, интерес.

— Всегда. Вы можете не разговаривать со мной вообще. Можете потребовать другого врача. Можете пожаловаться на меня руководству. Но пока вы здесь и пока я ваша лечащий врач — играем по моим правилам.

— И каковы ваши правила, доктор?

— Без дешёвых провокаций. Вы говорите о себе, я задаю вопросы. Всё просто.

— А если я откажусь?

— Тогда я сделаю вид, что ничего не произошло, допишу отчёт, и завтра у вас будет новый врач, и мне будет совершенно плевать сколько времени вы будете играть с ним в молчанку, как вы это делали до этого. — Я пожала плечами. — Мне будет конечно немного жаль, потому что вы интересны мне как пациент. Но не настолько, чтобы терпеть неуважение.

— Неуважение? — Он изобразил удивление. — Вы называете комплименты неуважением?

— Я называю неуважением попытку превратить терапию в фарс, — отрезала я. — Итак, ваше решение?

Он долго смотрел на меня. В глазах мелькнула — то ли злость, то ли восхищение, то ли и то, и другое одновременно.

— Вы опасны, доктор Анна, — сказал он наконец. — В хорошем смысле.

— Принимаю это как комплимент. — Я сложила руки на коленях. — Продолжим?

— Продолжим. — Он вздохнул, откинулся на подушки и прикрыл глаза.

## Глава 6

Я вышла из подвала, и воздух надземных этажей показался мне почти сладким — после той стерильности. В груди ещё вибрировало напряжение недавней дуэли. Я прокручивала в голове каждую его фразу. Он не был психопатом в привычном смысле этого слова — он был чем-то другим. В нём не было хаотичности, срывов, не было потребности оправдываться.

*Что ты такое?* — спросила я мысленно, шагая к лифту.

Коридор административного крыла был пуст, ковровая дорожка глушила шаги. Я подошла к массивной дубовой двери и постучала.

— Доктор Кейт...

Я толкнула дверь и замерла. Отец сидел в кресле напротив стола, расслабленно закинув ногу на ногу, с чашкой кофе в руке. Его серые глаза — холодные, оценивающие — смотрели на меня с той смесью гордости и ожидания, которую я знала с детства. Он был в идеально сидящем черном пиджаке, седые волосы зачесаны назад. На секунду я просто уставилась на него, не понимая, что происходит. А потом он широко улыбнулся.

— Энни.

— Папа?

Он поднялся и крепко обнял меня. От него пахло знакомым одеколоном, дорогими сигарами и кожей автомобильного салона. В этом запахе было всё моё детство — безупречное, выверенное, расписанное по минутам. Я машинально улыбнулась, хотя внутри всё сжалось в тугую узел.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я.

— Заскочил к старому другу за врачебным советом, — усмехнулся он, кивнув на Кейта. — Ничего серьёзного. Старость подкрадывается, знаешь ли.

— Не драматизируй, Алекс, — фыркнул Кейт из-за стола. — Ты еще всех нас переживешь.

Они рассмеялись. Я тоже изобразила улыбку — автоматически, рефлекторно, как собака Павлова, которая слышит звонок.

— Кстати, Алекс, — произнёс Кейт, откидываясь в кресле. — Твоя дочь — настоящая звезда нашей клиники.

— О, я в этом никогда не сомневался, — усмехнулся отец и посмотрел на меня с той самой гордостью, которая всегда заставляла меня сжиматься. — Энни всегда была чертовски упрямой. Если она во что-то вцепляется — всё, пиши пропало.

Кейт хмыкнул.

— У неё сейчас очень непростой пациент. И, честно говоря, пока никто кроме неё не показывает хоть какого-то прогресса.

У меня пересохло во рту. Я видела, как заблестели глаза отца. Для него это был не комплимент — это была инвестиция. Он вкладывал в меня всю жизнь, и теперь наступил момент дивидендов.

— Правда? — Он посмотрел на меня долгим, внимательным взглядом. — Ну так это мои гены, — заявил он с довольной улыбкой. — Вот оно мое воспитание! Энни всегда была лучшей, я всегда ей говорил, что к цели нужно идти не смотря ни на что. В лепешку разбиться, но достичь идеального результата!

Он хлопнул меня по плечу. И это простое движение вдруг дёрнуло внутри меня целый ворох воспоминаний, которые я прятала в самую дальнюю камеру памяти. Я снова сижу за кухонным столом, в руках тест с четвёркой по физике, а отец стоит у окна, сложив руки за спиной. Он молчит. Долго. Потом оборачивается, и в его глазах холод и разочарование. «Девя-



носто четыре балла? А где остальные шесть? Энни, это непростительно для тебя!» — говорил он голосом, который обещает, что этот разговор не забудется никогда.

«Ты умнее остальных, Энни. Так почему работаешь как все?»

«Ты не имеешь права быть посредственной.»

«Ты особенная. Не забывай об этом.»

Я помнила каждую фразу. Каждый взгляд разочарования, который оставлял шрам глубже любого ремня. Любовь в нашей семье всегда нужно было заслуживать. Она была не данностью, а премией, которую платили за результаты. И она пропадала, стоило мне отступить.

— Осторожнее, Алекс, — засмеялся Кейт. — Ещё немного, и она подсадит меня, лет через пять.

— Через три, — самодовольно сказал отец.

Внутри медленно разрасталось знакомое чувство — клетка. Вот как это ощущалось. Будто стены начинают сдвигаться, и воздуха становится меньше.

— А как ты сама? — спросил отец мягче, но в этой мягкости была та же требовательная нота. — Выглядишь уставшей.

На секунду я зависла. Потому что правду сказать было невозможно. «Привет, пап. Только что я провела час с человеком, который убил тридцать человек и смотрит на меня так, будто я его десерт после обеда. И знаешь, меня это одновременно пугает и заводит». Меня чуть не передёрнуло от собственной мысли.

— Всё нормально, — ответила я. — Просто много работы.

— Это хорошо, — кивнул отец. — Ты всегда раскрываешься под нагрузкой.

Конечно. Потому что, если не выдержишь нагрузку — значит, ты недостаточно хороша. Я снова почувствовала себя девочкой, которая приносит домой девяносто восемь баллов и заранее знает, что отец спросит, где потерялись два остальных.

— Кстати, Анна, — вдруг сказал Кейт. — Ты что-то хотела?

Я встала в небольшой ступор. Зачем он спрашивает это при отце? Кейт знал, где я была и знает, что дело совершенно секретно. Неужели отец тоже посвящен в это?

— Ничего срочного, — спокойно сказала я. — Зайду позже.

Кейт прищурился. Я пыталась понять, чего он хочет от меня в данный момент? Я не могла говорить о секретном пациенте в присутствии посторонних, или могла?

Отец усмехнулся:

— О, так у нас тут врачебные тайны?

— Разумеется, — подмигнул Кейт. — Серьезный доктор.

— Мне пора, — сказала я, делая шаг к двери. — Пациенты ждут.

— Мы ещё поужинаем на этой неделе, — бросил отец мне в спину. — Мать очень скучает по тебе.

— Обязательно, — ответила я, уже не оборачиваясь.

\*\*\*

В этот день мне так и не удалось лично переговорить с доктором Кейтом. Он не отвечал на мои звонки, а его кабинет пустовал после ухода моего отца. В десять вчера я отправилась домой и написала отчет, который надеялась передать Кейту завтра:

*«Первая сессия с Пациентом X (в дальнейшем — Виктор, имя, названное пациентом). Вербальный контакт установлен. Пациент проявляет высокий интеллект, склонность к манипуляции, провокационное поведение, направленное на тестирование границ. Эмоциональная сфера — диссоциирована, однако наблюдаются отдельные проявления интереса к личности терапевта. Рекомендовано продолжить терапию в прежнем режиме. Диагноз — предварительно: диссоциативное расстройство личности с нарциссическими чертами, дифференциальная диагностика не завершена.»*

Я закрыла ноутбук и допила бокал с красным вином. Я часто расслаблялась в ванне с пеной после тяжелых рабочих дней и сегодняшний вечер не был исключением. Вода была горячей, почти обжигающей, с каплями лавандового масла. Я погрузилась в неё по шею, откинула голову на бортик и закрыла глаза. Пар медленно поднимался к потолку, обволакивая и убаюкивая. Тело расслаблялось, мышцы отпускали хватку. Рядом, на маленьком столике, завибрировал телефон.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.